

ГОД уходящий принято называть старым. 1958 год явно нарушает эту традицию, сохраняя до последних дней энергию молодости, богатую мощь, стремительный порыв в будущее. Да разве применим эпитет «старый» к году, с которым предстоит нам расстаться и который останется в нашей памяти весной, знаменующей новые грандиозные свершения во имя советского человека.

Остались последние дни, отделяющие нас от 1959 года. Уже зажглись разноцветные огни новогодних елок на городских площадях и за зеркальными витринами магазинов, веселой предпраздничной сумятицей полны вечерние улицы, и как-то весело и зримо предстают в эти дни перед мысленным взором людей великие свершения года уходящего. С ним связано ощущение радости приподнятости, открытости, с ним связаны события, которые войдут в летопись Советского государства как исторические.

Невозможно охватить все, что свершилось в году 1958-м. Оглянемся лишь на декабрьские дни. В стране шла острая дискуссия о государственной проблеме — реформах народного образования. Обсуждение это стало поистине делом общенациональным, ибо в стране, где учился почти каждый, реформа затронула интересы всех. Советские люди решали вопрос, какой должна быть наша советская школа, в какой мере должны быть грандиозные перспективы, что открывает программа семилетки.

Семилетка! Недавно родившееся слово стало близким и родным миллионам людей. Безгранично емко оно по богатству мыслей, чувств и прекрасным деям.

Удивительным свойством обладают контрольные цифры развития народного хозяйства. Читает человек сухие цифры роста промышленной продукции — нефть, угля, электроэнергии, стали, читает о росте количества школ, вузов, дворцов культуры, жилищ — и в душе его возникает и крепнет вдохновенный творческий порыв. Он, этот порыв, вызвал к жизни новую форму соревнования — соревнования за знание бригад коммунистического труда. Возникшее в депо Москва-Сортировочная, это движение широко разошлось по стране, и в ряды молодых, начертавших на своих знаменах высокие слова — работать, учиться и жить по-коммунистически, — встали сотни и тысячи людей.

Для этого движения характерно стремление высокой мерой ценить содеянное человеком, звать его к успехам производственным, к росту духовной культуры, моральной чистоте. Не случайно обрели новую силу строки стихов Маяковского:

Коммунизм не только
у земли,
у фабрик в поту,
Он и дома
за столиком,
в отношениях,
в семье,
в быту.

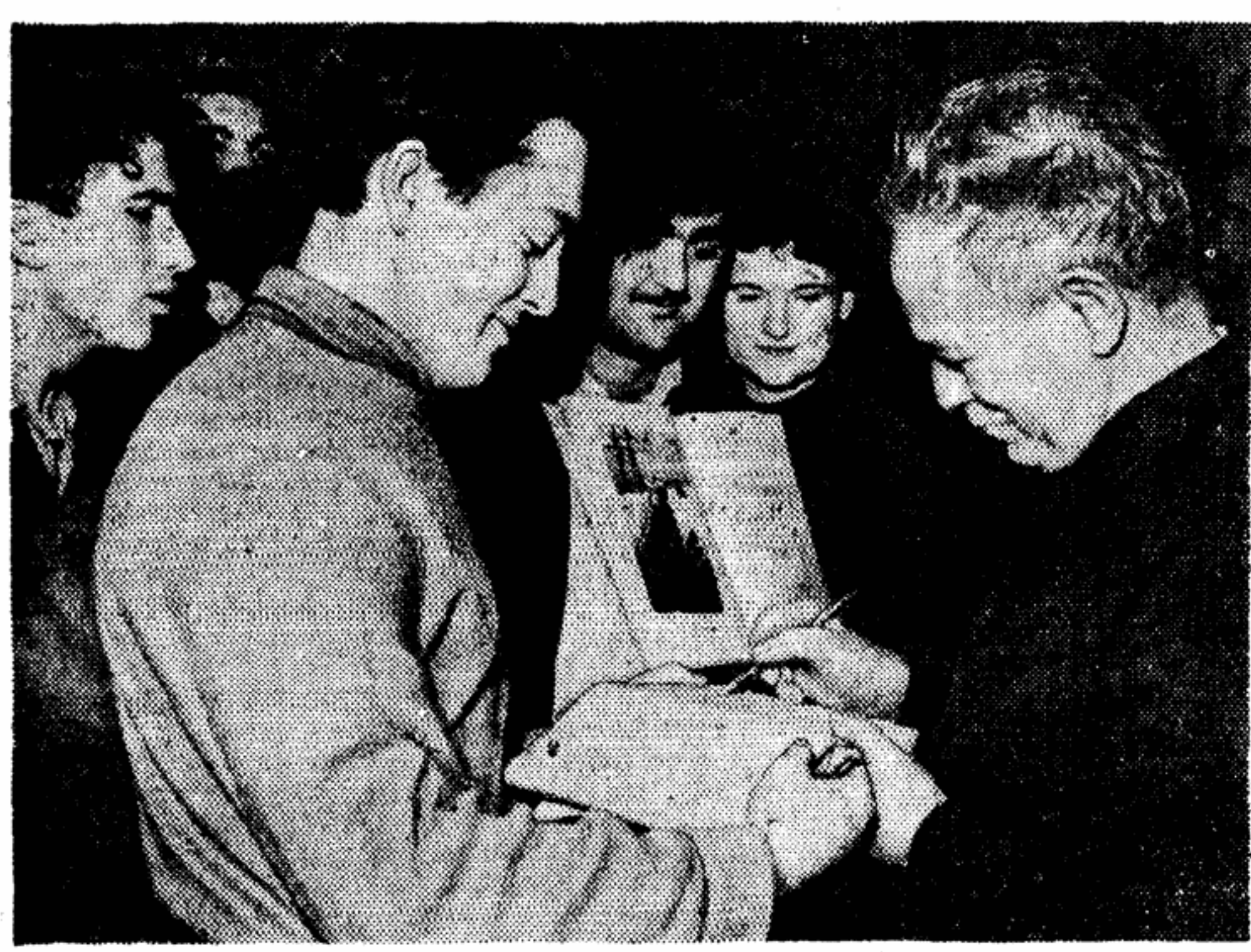
Стремление людей в повседневный быт высокие принципы коммунистической морали — одна из замечательных примет наших дней. Вдохновлено и сильно звучит в Законе о перестройке школы слова: «Коммунистическое образование общества неразрывно связано с воспитанием нового человека, в котором должны гармонически сочетаться духовное богатство, моральная чистота и физическое совершенство». Прекрасная цель, бороться за которую — дело чести и подлинной гражданственности каждого.

Перспективы советского кино

ВТОРОЙ пленум Оргкомитета Союза работников кинематографии, открывшийся 24 декабря, проводит свою работу в знаменательные дни, когда вся страна обсуждает тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС. Это торжественная и вместе с тем деловая атмосфера больших исторических решений чувствуется во всей работе пленума. Она пронизывала вступительное слово председателя Союза работников кинематографии И. Пырвева и обстоятельный доклад министра культуры СССР Н. Михайлова, проанализировавшего современное состояние советского кино, сформулировавшего его важнейшие задачи в свете семилетнего плана развития народного хозяйства; эта атмосфера определила и характер доклада директора ВГИКа А. Грошева, посвященного вопросам воспитания творческой молодежи, и направленность выступлений в пленуме.

В первый день работы пленума его участники затронули широкий круг творческих, творческих и организационных вопросов. Здесь и проблемы конфликта и характеров в фильме о современности, которые разбирали в своих выступлениях сценаристы Е. Воробьев, Т. Ситник, режиссер З. Агранник, критик Н. Коварский, и организационные вопросы, о которых говорил режиссер И. Хейфиц, и задачи научно-популярного кино, сформулированные в выступлении драматурга И. Васильева, и принципы воспитания молодой смены, которым посвятил большую часть своей речи режиссер Л. Файнз.

Сегодня пленум заканчивает свою работу.

М. А. Шолохов дает автографы участникам встречи в Литературном институте. Фото А. ЛИПИНА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 154 (3965)

Суббота, 27 декабря 1958 г.

Цена 40 коп.

Завершая год...

В декабрьские дни 1958 года проходил пленум Центрального Комитета КПСС, показавший всему миру в разительные перемены, что произошли в советской деревне за последние пять лет. Программа подъема сельского хозяйства, разработанная сентябрьским пленумом ЦК КПСС 1953 года, последующими пленумами ЦК, решения XX съезда партии получили реальное воплощение в урожаях, каких наша страна не знала за всю свою историю, в стремительном росте животноводства и других отраслей сельского хозяйства. Крутой подъем деревни столь очевиден, что его не могут отрицать и враги наши. Эти успехи еще раз со всей очевидностью показали правильность генеральной линии партии и в области сельского хозяйства, как и во всех вопросах внутренней и внешней политики. Эти успехи послужили еще одним доказательством полного банкротства антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина, Шенилова, пытавшихся противодействовать проведению в жизнь мероприятий партии и правительства.

Закономерно, что в нашем обществе народ, партия сметают с пути все, что мешает движению вперед, мешают строительству коммунизма. А строить коммунизм, как просто и убедительно сказал об этом на декабрьском пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев, это значит: «С каждым годом наращивать мощности нашей промышленности, увеличивать производство хлеба, мяса, масла и других продуктов, одежды, обуви и других товаров, больше строить жилищ, школ, культурных учреждений, больше выпускать книг и хороших фильмов — вот это и есть строительство коммунизма».

В декабрьские дни 1958 года проходила сессия Верховного Совета СССР. Стояло встать в поток людей, заполнявших залы Большого Кремлевского дворца, или войти в фойе Кремлевского театра, где проходила поспешно заседание палат Верховного Совета, чтобы почувствовать огромный подъем, радостную взволнованность, принесенные сюда депутатами со всех концов страны.

В повестке дня сессии стояли, казалось бы, такие несхожие между собой вопросы, как Государственный бюджет, реформа народного образования и законопроект по уголовному праву. Но разве не взаимосвязаны между собой и Закон о бюджете, который позволяет сделать еще один шаг на пути к улучшению жизни советского человека, и Закон об укреплении связи школы с жизнью, который поднимет на новый высокий уровень наше народное образование? Точно и ясно определены цели нового Закона о школе:

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик считает, что приближение школы к жизни создаст необходимые условия для лучшего воспитания подрастающего поколения, которое будет жить и трудиться при коммунизме. Перестройка системы народного образования будет иметь огромное значение для дальнейшего материального и духовного развития советского общества, повысит роль советской школы в образовании и воспитании молодежи, лучше обеспечит подготовку высококвалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства, науки и культуры и в еще большей степени будет способствовать росту могущества Советского Союза».

Мудро и предусмотрительно именно сейчас, когда намечена широкая программа коммунистического строительства, когда народ борется за создание материально-технической базы коммунизма, принять меры к установлению еще более прочного правопорядка в стране и укреплению социалистической законности. Вот почему столь своевременно приняты сессией законы, подчиненные этой цели. В них сочетаются высокий гуманизм и случайно сбившимся с пути людям и ре-

волюционная строгость к нарушителям норм социалистической морали, к тем, кто мешает нашим советским гражданам трудиться, жить и отдыхать.

На широких демократических основах, свойственных нашей жизни, разрабатываются в Советской стране принципиально важные решения. Весь народ участвовал в обсуждении реформы народного образования. Живейшее участие принимали различные круги советской общественности и в подготовке основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, впитавших в себя все лучшее и ценное, внесенное в ходе дискуссии. В законах, принятых сессией, предусматриваются и меры убеждения, и меры принуждения, подчеркивается принцип строгого соблюдения неотвратимости наказания преступников. Сокращение сроков заключения отнюдь не приведет к ослаблению борьбы с ворами, бандитами и другими преступниками, ибо сроки эти будут стабильными. Для тех, кто проявит искреннее желание исправиться, стать полезным членом социалистического общества, решениями судов будут предусмотрены условно-досрочное освобождение. Для тех же, кто упорно не захочет вступить на честный трудовой путь, ликвидируется всякого рода зачеты, снижены пороги на нет и самые суровые судебные приговоры. Приняв законы, депутаты справедливо сказали, что вся советская общественность должна способствовать прочному утверждению правопорядка в стране.

Во все периоды жизни Советского государства его внешняя политика осуществлялась продолжением политики внутренней, направленной к миру между народами. В отношении капиталистических стран наше государство неизменно сохраняло позицию мирного сосуществования. Новым ярким выражением этой стойкой и неколебимой позиции является Постановление Верховного Совета СССР по вопросу о прекращении испытаний атомного и водородного оружия и о берлинском вопросе. Устами своих депутатов Верховный Совет выразил единодушное мнение советского народа, горячо одобряющего политику и практические меры правительства СССР по вопросу о прекращении испытаний атомного и водородного оружия.

— Все мы, депутаты Верховного Совета, миллионы наших избирателей, — сказал писатель М. Вайжан, — целиком одобряем политику Коммунистической партии и Советского правительства, направленную на сохранение мира во всем мире. Простые люди на всем земном шаре разделяют мнение Советского правительства о том, что немедленное прекращение экспериментальных взрывов будет решительным шагом на пути к окончательному избавлению человечества от угрозы атомной войны.

Столь же единодушное одобрение Верховного Совета СССР получили политика и практические действия правительства СССР в берлинском вопросе, инициатива правительства СССР, выступившего с предложением о превращении Западного Берлина в демилитаризованный воинский город.

Закончила свою работу Вторая сессия Верховного Совета СССР. С глубоким удовлетворением встретили народы Советского Союза законы, принятые сессией. Действенным откликом на них служат новый трудовой подъем, который царит во всех уголках нашей страны.

Подходит к концу год, принесший нашей стране столько радостных свершений во имя человека и для человека. Отлетают последние листки календаря. Прожит хороший, чудесный год, а впереди — дали неоглядные нового, 1959 года, года XXI съезда КПСС, первого года семилетки. Впереди дали, ведущие нас к коммунизму.

На встрече с М. А. Шолоховым

ПОЖАЛУИ, каждому приятно встретиться с любимым писателем. Но если ты решил посвятить себя литературному труду и писатель этот — могучий, великодушный человек, чьи книги стали для тебя свершающим праздником, то эта встреча превращается в большое волнующее событие.

Позавчера в Литературный институт имени М. Горького приехал Михаил Александрович Шолохов. Конференц-зал переполнен, но тишина такая, что даже легкий скрип стула в дальнем конце помещения раздражает слушателей. Михаил Александрович стоит за столом и, чуть смущаясь, улыбается.

— Давайте поговорим, — предлагает он. Но люди еще не успели собраться с мыслями. Перед ним, совсем рядом, — автор «Тихого Дона». В френче темно-зеленого цвета, в галстике. Высокий лоб, седые, поредевшие волосы и зоркие с прищуром глаза.

Шолохов чувствует состояние людей и, чтобы дать им и себе возможность привыкнуть, предлагает: — Знаете, с чего начнем? В ближайшие дни будет печататься кусок из «Поднятой целины». Разрешите, я прочту его. Не долго. Можно? Выйдя на неказистую трибуну, Михаил Александрович надел очки, но тут же их снял и, оглядывая зал, виновато улыбнулся: — Вы должны понять... И не обижаетесь, что я не ахти как читаю.

Читал он очень тихо, глуховато. Временами в голосе прорывалась легкая хрипотца. — Видимо, волновался, вновь переживал написанное. И когда за сценой через открывающуюся дверь доносился посторонний голос, нахмурился и повернулся в сторону голоса: тот вырвал его из того мира, о котором он читал. Драматических событий как будто в

ПРАЗДНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Предновогодние дни ознаменовались выдающимся культурным событием нашего времени: вчера в Москве, в Центральном выставочном зале, состоялось торжественное открытие выставки произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Честь открыть выставку была предоставлена старейшине советского изобразительного искусства народному художнику СССР, лауреату Ленинской премии Сергею Тимофеевичу Коненкову.

Многочисленные гости — представители общественности Москвы, советские деятели искусств и их зарубежные коллеги — с огромным интересом знакомились с творчеством художников Албании, Болгарии, Венгрии, Демократической Республики Вьетнам, Китайской Народной Республики, Кореи, Народной Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии.

В экспозиции — почти три тысячи картин, скульптур и графических работ, созданных в последние годы художниками двенадцати государств. Выставка с огромной впечатляющей силой демонстрирует непрерывно растущие достижения самого передового в мире, тесно связанного с жизнью искусства социалистического реализма.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ДЕТИ СКАЛ

ЧАСТЬ пути по абакано-енисейским степям я сделал вместе с одним хакасским поэтом. Около районного центра Абакана мы перезаехали с одного берега Абакана на другой. Во время переправы поэт почему-то тревожно и сердито оглядывая спокойные отлогие берега и пустую реку, где не было ничего угрожающего. Проплыли одиночными бревна, задевая иногда паром, но — мокрые, с мягкой, размоленной корой — они не задирали, а скользили легко, будто намыленные.

На другом берегу поэт позвал меня прогуляться вдоль реки. Берг был отменный, весь забросанный огромными сосновыми бревнами, какие вырастают в девственной, нерубленой тайге, вдали от человека, пилы и топора. — Это дети скал, — проговорил вдруг долго молчавший перед тем поэт. — Они выросли в горах под облаками, на вечном облуде. Двести лет трудился скала, чтобы вырастить такие бревна. Сама еда живая, двести лет тужилась, отдавала лесу последние силы. Пропустил корни во все щели и трещины, в самое свое сердце, крепко обвила их, чтобы не размыло водой, не вырвало бурей. И вот лес вырос, выстоял. Пришли лесорубы, повалили его, бревна столкнули в реку — неси, как умеешь. Поглядите туда! Еще туда! — Поэт поворачивал лицо, которое стало гневным, то вверх по течению, то вниз, то к островам.

С того места Абакан — степная река — гуляет широко, вольно по равнине, постоянно разделяется на протоки, огибая многочисленные острова. От переезда мы долго ехали берегом. На отлогих берегах, на обочинах островов, в мелководных протоках, в каждой бухточке, береговой выемке, шербинке, где только можно было поместиться, лежали, плотно стелились, дети скал — огромные, каменные твердые сосновые бревна. Мы видели многие тысячи бревен и ни одного человека, который стальной вал в выводи из мелкой стоячей воды на бегучую, на стремжень реки. Поэт волновался:

— Если будет еще высокая вода, она кое-что поднимет, подхватит и унесет. Говорят, что потом выйдут люди с тракторами и будут перетаскивать бревна в реку. Но когда это потом? Уже сентябрь. Почему потом, а не теперь? Я — поэт, плохо разбираюсь в хозяй-

Окончание. Начало см. в «Литературной газете», № 152.

Вчера в Кремле начала свою работу VI сессия Верховного Совета РСФСР четвертого созыва.

Сессия обсуждает вопросы: о Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1959 год, о Государственном бюджете РСФСР на 1959 год и об исполнении Государственного бюджета за 1957 год.

Депутатам предстоит утвердить изменения и дополнения текстов Конституции Бурятской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой и Чечено-Ингушской автономных республик; внести изменения в статьи 14-ю и 31-ю Конституции РСФСР и утвердить указы Президиума Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

На сессии группа депутатов во время перерыва между заседаниями. Справа: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; в центре: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР; слева: Валентин Смирнов, заместитель председателя Верховного Совета РСФСР.

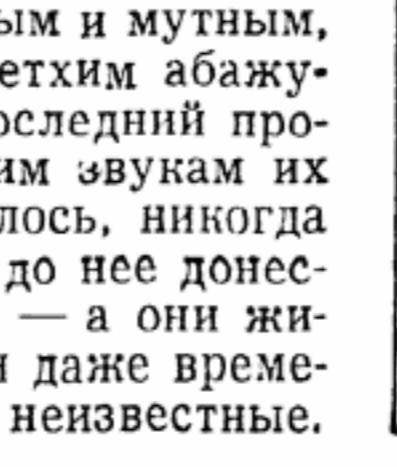
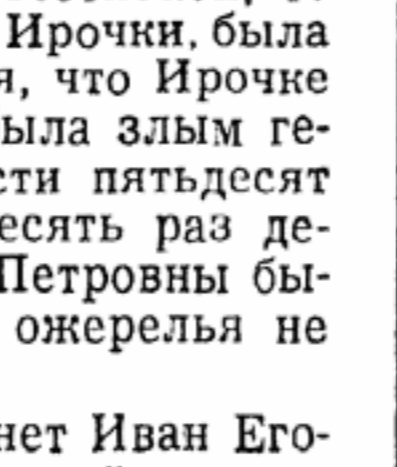
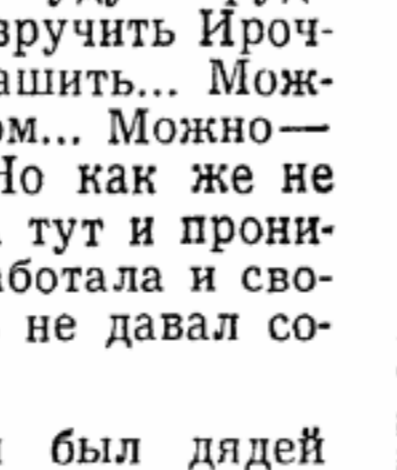
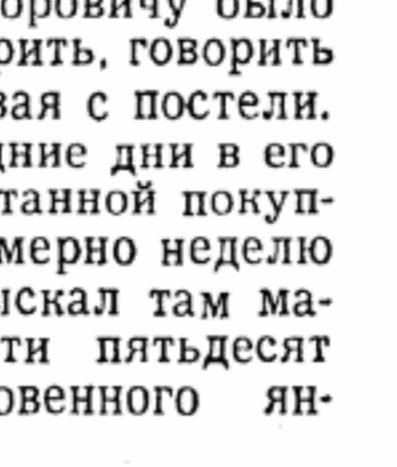
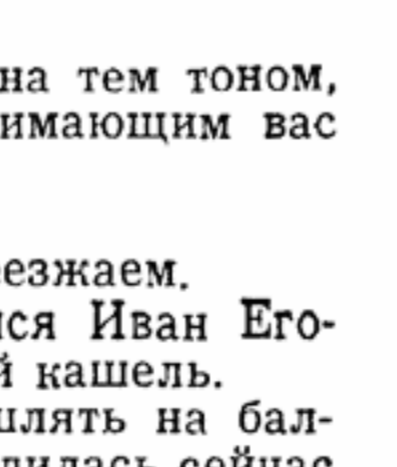
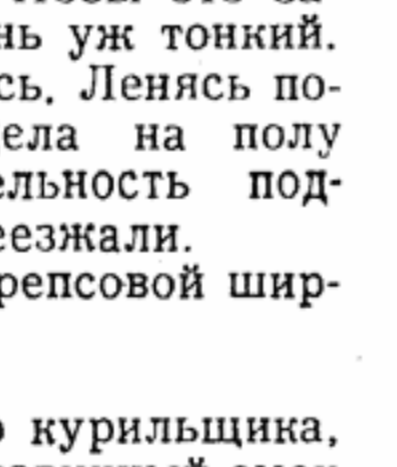
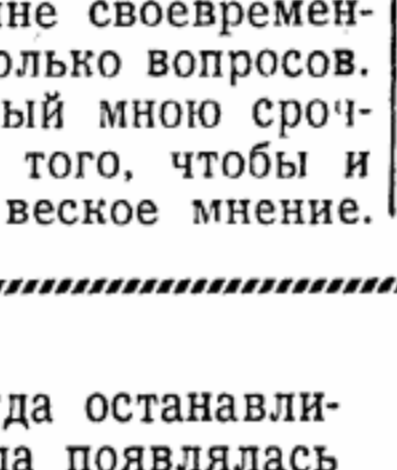
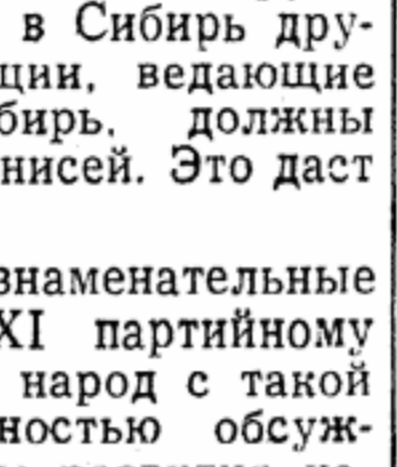
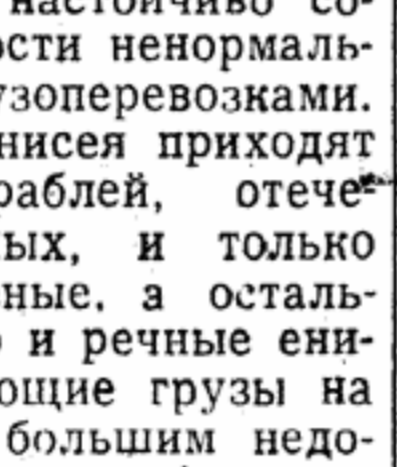
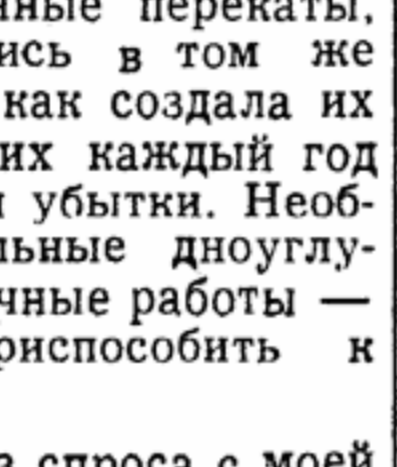
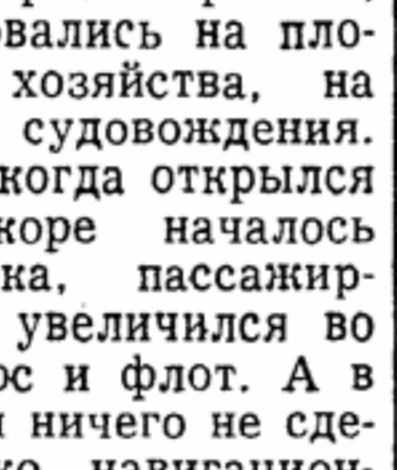
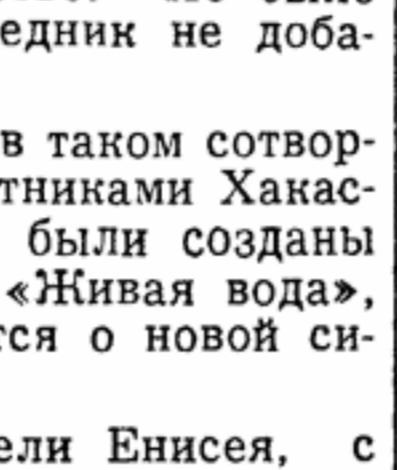
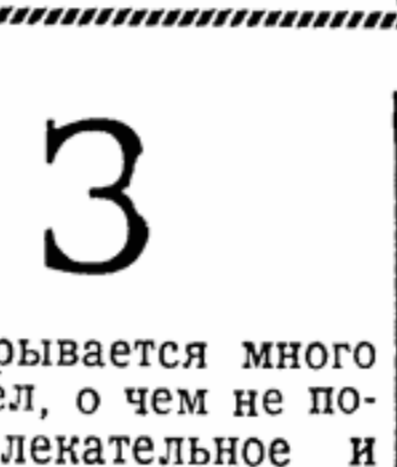
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

РАССКАЗЫ ВОЛГАРЯ

СОРОК лет плава по Воле Александр Васильевич Магдалинский. Много наблюдений накопилось у него, много всякой вывальной усталости на раздольной русской реке. И волжанин хорошо знаком участнику Цусимского сражения, спасший от взрыва крейсера «Оле». Провидя А. Магдалинского описан Новиковым-Прибоем в романе «Шуми». Бывший боцманат впоследствии сам написал о походе второй Тихоокеанской эскадры документальную книгу «На морском распутье». Недавно в Ярославле появилась небольшая сборник А. Магдалинского «Рассказы старого волгара». Новая книга адресована детям среднего возраста и рассказывает о дореволюционной Воле, о гражданском войне в Поволжье, о судьбе небольшого судна «Ласточка», участвовавшего в битве за Сталинград.

ДЛЯ ЮНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Почти трехсоттысячные тиражи имеют в этом году книги Е. Пермяка. «Молодая гвардия» выпустила «Дедушкину копилку», приуроченную к юбилею Деда Мороза. В Детгизе вышли «Высокие ступени», в Детгизе — «Взрослым детям сказок для детей младшего возраста «Тонкая струна». Готовятся к изданию еще две книжки: «От костра до котла», из которой дети узнают, как с древних времен до наших дней оттапливались жилища человека, и сборник рассказов «На все цвета радуги».

ТЫ ПОМНИШЬ, ТОВАРИЩ...

Начав читать первое из писем Александра Фадеева, опубликованных в декабрьской книжке «Юности» (вступление и послесловие С. Преображенского), обязательно прочитаешь все до конца...

Письма писателей к друзьям и знакомым редко представляют самостоятельную ценность, гораздо чаще — это лишь ценный комментарий к их книгам. Главным образом эти письма привлекают внимание литературоведов, помогая им проникнуть в творческую лабораторию художника, лучше понять его замыслы. И те, кто специально изучает или особо интересуется творчеством А. Фадеева, смогу, безусловно, немало почерпнуть из его писем другу детства и юности А. Колесниковой. Эти письма раскроют, какие впечатления писателя вылились затем в образе Мечика из «Разгрома», и кто послужил прототипом для образа Лены Косенцевич («Последний из удег»), и откуда идет особый лирический настрой «Молодой гвардии». Все это, конечно, и важно, и интересно. Но главное, почему нельзя оторваться от этих страниц, — все-таки в другом...

Письма А. Фадеева воспринимаются как повесть о «далекой милой юности» писателя, о самых чистых днях, о поре самых больших мечтаний и надежд. Это настоящая повесть, написанная великодушным художником и человеком отзывчивого сердца. — Впрочем, как справедливо замечает сам А. Фадеев, «неотделимо одно от другого, если речь идет о писателе настоящем».

Молодость того поколения, к которому принадлежал А. Фадеев, совпала с великой революционной бурей; «блуждающий ветер и ревущие волны» эпохи встречали вступающих в жизнь юношей и девушек, молодые люди оказались вовлеченными в ее мучительный и грозный поток. Мир раскололся, и перед каждым встал вопрос: «По какому створу баррикады сражаться?» Вот что было самым важным, решающим; вот что определяло дальнейшую судьбу, ломало старую жизнь и рождало новую, отдавало и сбрасывало людей — шло беззаветное размежевание на красных и белых. Все это описывает А. Фадеев очень ярко, живо, точно. Вспоминаю годы попольной работы и партизанской борьбы, писатель рассказывает о том романтическом воодушевлении, той открытости, которые даже невозможные дела делались возможными. Есть в этих письмах А. Фадеева чистая и властная, вечно живая поэзия революционного долга.

На долю этого поколения выпала суровая юность. И, быть может, поэтому и дружба была особенно строгой и щедрой, и любовь — возвышенной и беззаветной. История первой, безотчетной, но так глубоко затронувшей душу любви («...В той жестокой борьбе, в которую мы все больше втягивались, эта любовь была нужна мне как платок «прекрасной дамы» на рыцарский шлем: очень трудно жить без любви и в юности и в зрелые годы», история закаляющейся в пламени революции юношеской дружбы («Мы так старались друг перед другом не уронить себя и так заботились о сохранении чести друга друга, что сами не замечали, как постепенно воспитывали друг в друге мужество, смелость, волю и росли политически») — все это воспринимается с блестящим пониманием самых заветных и, казалось бы, безотчетных движений юношеского сердца, с поразительной психологической достоверностью. Все это проверено такой высокой, умной и зрелой моралью, что письма А. Фадеева могут служить отличным «учебником» воспитания чувства. Именно в этом качестве прежде всего хочется рекомендовать письма читателям.

Незлы не сказать о том, как написаны эти письма. Вообще-то такой разговор — как написанные письма? — может показаться странным, но в данном случае он оправдан. Характерная деталь в постскриптуме к одному из писем автор извиняется: «Не сердитесь, что в моих письмах много зачеркивания, исправлений, вставок. Это профессиональная черта — стремление выразиться ясно, точно, а при первом написании — это не всегда получается. И это признание лишь подтверждает то,

чего нельзя не почувствовать при чтении, — в опубликованных письмах фадеевский талант проявился в полную силу. Это подлинно художественная проза, окрашенная удивительным, необыкновенной искренности и тонкости лиризмом, в котором и какая-то щемлящая боль («...Тот прекрасный, чистый круг жизни, который был начат мною мальчиком, на Набережной улице, в сущности, уже завершен, и — как у всех людей — завершен не совсем так, как мечталось»), и светлая грусть («...Когда я закрою глаза и каким-то волшебством вдруг представляю себя тем мальчиком, я ощущаю эту нежность в душе совершенно так же, как тогдашнее солнце на веках (когда лежишь в купальне, например), или как запах цветов, травы, листьев тех лет»), и добрая насмешка над былыми грезами («Но нельзя же пожелать уменьшке мальчишка с большими ушами, потому что необыкновенная, поистине незаурядная любовь его была обречена на неудачу с железной неизбежностью...») и гордое сознание честно выполненного долга («...Ведь вся моя жизнь прошла в борьбе, и я к этому привык, и без этого жить казалась бы мне бедной»). Это редкое сочетание романтического пафоса и нежности, грусти и легкой иронии действует неотразимо, совершенно пленяет. И если говорить о том, что определяет общий тон повествования, об его основной ноте, — это задушевенность; так, встретись после долгой разлуки, сердечно говорят со старым, добрым, верным другом: «Ты помнишь, товарищ...».

Белинский писал, что «...время преклонит колени только перед художником, которого жизнь есть лучший комментарий на его творения, а творения — лучшее оправдание его жизни». Трудная и прекрасная юность А. Фадеева, о которой так искренне и поэтично сам рассказывал, лучше всего объясняет его творчество, а опубликованные письма писателя по праву входят в число тех произведений, которые служат лучшим оправданием жизни Александра Фадеева.

ЛИТЕРАТОР

В ДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Александр Парису, греческому поэту, автору «Сказания о Белоянисе».

Греческая девочка на снимке
Подает, смеясь, цветы отцу...
У него суровые морщины
Разбежались по всему лицу.
На крыльцо встает он одиноко,
Будто он встает на пьедестал...
Он сражался в Греции далекой.
Рядом с Белоянисом дышал...
И когда тревожная ракета
Осветила пламенем полсвета —
Вздрыгнули чужие корабли!
Белоянис пал... Но эстафету
Он вручил солдату и поэту
Греческой поруганной земли.

...Редкий отдых прибавляет силы
На одной из подмосковных дач.
— Папа, папа! Вот цветы России!
Папа, поддай со мной в мяч!
— Тыше, дочка, девочка, не плачь...
Мамы нет. Сиди как можно тише...
...Девочка задумчиво молчит.
Папа на машинке что-то пишет...
Сердце Белояниса стучит...
Скоро мир возмужавно узнает,
Как его отряды бой вели!
Родина, родная и чужая,
Там, в адриатической дали...
Замысел о подвиге высоким
У солдата вечной песней стал...
Он сражался в Греции далекой,
Рядом с Белоянисом дышал...
...Редкий отдых прибавляет силы
На одной из подмосковных дач.
Это рядом — Греция с Россией...
— Тыше, дочка, девочка, не плачь!
Мамы нет. Сиди как можно тише...
...Девочка суровая молчит.
Папа на машинке что-то пишет...
Сердце Белояниса стучит...

РАССКАЗ-ГАЗЕТА

Перед нами несколько книг одинакового формата, на каждой обложке — картина мариниста. Это — «Рассказы о Великой России», начавшая выходить летом. Выпуск серии — ответ на многочисленные пожелания читателей возродить традицию издания малых форматов общедоступных книг типа «Универсальной библиотеки»: создать нечто вроде «рассказ-газеты», где бы постоянно печатались новеллы, очерки, рассказы, повести, рассказы, рассказы...

АНТОЛОГИЯ АБХАЗСКОЙ ПОЭЗИИ

В 1932 году, обращаясь к молодым литераторам Абхазии А. М. Горький писал: «Займитесь изучением народной устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды... переводите с абхазского языка на русский. И это может много дать не только вам лично, а и ознакомить многих людей с прошлым Абхазии».

СРОЧНЫЙ ЗАКАЗ

(Юношачье. Начало на 1-й стр.)
берегу против старого Красноярска выстроен новый Красноярск. За Полярным кругом на вечной мерзлоте поднялись Игарка — всемирно известный город-порт. Еще северней — Норильск. В тридцатом году я бродил там с геологической партией. Голые горы, пустая тундра. На сотни верст вокруг только три-четыре избышки, вроде бань, построенные геологами. Я знал, что в горах много добра, что со временем будет город, и мысленно строил его, но не сумел фантазировать такой, по какому везу на автобусе. Город Норильск — смелей, фантастичней фантазия.

шая опасность «поцеловаться» с Тураном. Один за другим встречают пародок перекачки. Медвежий, Листвинный, Верхне-Золотой, Средне-Золотой, просто Золотой, Нижне-Золотой, Усть-Золотой.

В том же порядке, без спора с моей стороны, судоводители настоящие советологи предать гласности неформальное положение в устье Енисея приходят десятки морских кораблей, отечественных и иностранных, и только единицы из них груженые, а остальные порожние. От этого и речные енисейские суда, доставляющие грузы на север, обратно идут с большим недогрузом либо совсем пустые. А грузы есть, грузом много идет в Сибирь другими путями. Организация, ведущая доставку грузов в Сибирь, должны часть их повернуть на Енисей. Это даст большие выгоды.

Печать. Тут всегда открывается много такого, чего я не угадал, о чем не подумал, начинается увлекательное и благодатное сотрудничество. Не было случая, когда бы собеседник не добавил ничего от себя.

В годы своей литературной молодости я обычно приходил к людям с вопросом. Потом я осознал, что вопросник связывает моих собеседников, не дает им развернуться. Ведь часто люди рассуждают так: если корреспондент не спрашивает о чем-либо, — значит, оно ему не нужно. Порой и хочется добавить, рассказать не по вопросам, но из вежливости, из скромности или умалчивая. Теперь же иногда до вопроса, иногда исчерпав его, а объективно говоря собеседнику: а что устал бы он видеть в моей книге или статье, чем поделиться с народом через

Надо почистить реку. При нашей технике и не то деряку.
Почему тогда не почистят?
Мы, судоводители, не занимаемся рекой, путевым хозяйством. Для этого есть особая служба.

Вот ей приснились цветы, но... бумажные. И, по привычке разговаривая с мертвой природой, она сказала им прямо во сне, что они, цветы, — голубые, жальные, хоть и красивые своими красками и гофрированной бумагой. Этот памятный сон не являлся, как другие сны, пугающими картинками, а пришел весь сразу и пропал. И, еще не проснувшись, она решила, что сон этот непременно сбывается, потому что он соответствовал многим ее настроениям. В жизни действительности она терпеть не могла бумажных цветов, из-за этого у нее даже происходили ссоры с ее тетей Ниной Петровной.

Литературное ожерелье

глава I
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ СОН

И вот ей приснились цветы, но... бумажные. И, по привычке разговаривая с мертвой природой, она сказала им прямо во сне, что они, цветы, — голубые, жальные, хоть и красивые своими красками и гофрированной бумагой. Этот памятный сон не являлся, как другие сны, пугающими картинками, а пришел весь сразу и пропал. И, еще не проснувшись, она решила, что сон этот непременно сбывается, потому что он соответствовал многим ее настроениям. В жизни действительности она терпеть не могла бумажных цветов, из-за этого у нее даже происходили ссоры с ее тетей Ниной Петровной.

двинутых бровях, в зрачках, которые иногда останавливались и леденели, в улыбки, которая всегда появлялась медленно и точно с борьбой. Но для того, чтобы это заметить и установить, нужен был взгляд очень уж тонкий.

Она пришла, Ирочка беззастенчиво засмеялась, Ленянь повернула голову, она скосила глаза и увидела на полу огромный, туго стянутый узел. Действительность подтверждала ее настроение: оно сегодня пережилось.

Вот ей приснились цветы, но... бумажные. И, по привычке разговаривая с мертвой природой, она сказала им прямо во сне, что они, цветы, — голубые, жальные, хоть и красивые своими красками и гофрированной бумагой. Этот памятный сон не являлся, как другие сны, пугающими картинками, а пришел весь сразу и пропал. И, еще не проснувшись, она решила, что сон этот непременно сбывается, потому что он соответствовал многим ее настроениям. В жизни действительности она терпеть не могла бумажных цветов, из-за этого у нее даже происходили ссоры с ее тетей Ниной Петровной.

Странно. Неужели приехали новые жильцы, которые переселились на их место? Не должно бы. Дому предстоял большой ремонт.

Прощаться надо было и с этими утренними диалогами, которые велись по утрам между ней и дядей в те дни, когда тетка бывала на дежурстве. Диалоги эти представляли им обоим огромное удовольствие. С давних пор Иван Егорович виртуально в характер Ирочки свои собственные человеческие качества. А ей никогда не думалось, будто Иван Егорович ее поучает, как надоедливо поучала тетка.

Ирочке надоело молчание, и она, делаяно зевая, точно сейчас проснулась, позвала дядю:

— Или разревалась бы с Ниной Петровной. Но эти слова его, по-видимому, ужаснули. Он вспыхнул, как спичка:
— Бесстыдница! — сделал паузу и напустился на нее. — Как ты можешь сказать такую ересь?! Развестись... с кем? Ты подумай. Она мне родная жена, тебе родная тетка. Мы с нею всю жизнь прожили.

Она кричала, но Ирочка знала, что крики его происходят от потребности показать себя гневным. На самом деле он и не знал, что означает подлинный гнев. Это чувство выражалось у него скорбью, обидой и презрением к людям, на которых по-настоящему надо было гневаться.

Ирочка сделала смешно и больно. Бедный Иван Егорович! Чем терпеть всю жизнь такое ущемление, она на его месте либо курить бы бросила, либо тетку бросила... Последние скорее всего.

МОЛОДОСТЬ — ПРЕИМУЩЕСТВО И ОБЯЗАННОСТЬ

АМО САГИЯН

Советским поэтам есть о чем поговорить перед Всесоюзным писательским съездом, и «Литературная газета» сделала правильно, дав обсуждение вопросов поэзии. Оно, без сомнения, будет содействовать творческому росту наших молодых поэтов.

Я хочу продолжить разговор, который на страницах газеты начал Лев Ошанин, и поделиться своими впечатлениями о нашей молодежной поэзии на примерах из армянской литературы.

Конечно, я не могу считать себя знатоком поэзии других советских народов, но кое-что из прочитанного убеждает меня в том, что недостатки, о которых я буду говорить дальше, свойственны далеко не только армянским молодым поэтам.

В последние годы наша поэзия получила многими новыми именами. Два года назад Армянское государственное издательство выпустило поэтический альманах. В нем приняло участие более 60 молодых поэтов, некоторые из них уже издали свои первые сборники. Читал эти сборники, наряду с глубокой радостью испытывая также и чувство неудовлетворенности. С одной стороны, видишь, что в поэзию проникает свежесть весеннего рассвета, с другой, — возмущает обилие стихов, лишённых признаков искусства и написанных без души.

Я могу назвать немало молодых поэтов, которые чувствуют трудности своего дела, свою ответственность, свой долг перед народом. Они сознают, что смысл их жизни заключается в служении народу, в том, чтобы быть ему полезными. Этими чувствами пронизаны многие стихи Арамакса Саакяна, Людвиг Дуряна, Саркиса Харазяна, да и не только их.

Но есть и другие, с позволения сказать, «стихи», и другие авторы. Им-де закрывают путь, издательства не стимулируют их роста, не дают им возможности печататься. А что это за стихи?

Вот Норайр Мовсисян, обращаясь к своему товарищу-геологу, говорит:

Хочу сегодня быть вместе,
Вместе пройди по нашим широким полям,
Войти в лес, и если заблудимся,
Найти дорогу по дыму костра.
Присесть на миг у холодного родника,
Затем поставить палатку.
Нашими руками над зажженным костром
Поджарить серебряный гриб.
Расставшись с прохладой,
Войти в сумерки в палатку,
Чтобы олень со своим нежным олененком
Принял к роднику и мирно напился воды.
И чтоб тропка-дорожка утром нас
Из леса привела в горы поела,
Чтоб я увлекся там цветами весенними,
А ты застынешь там осколками камней.

(Подстрочный перевод)

Попробуй отвергни такого рода стихи, и автор придет в негодование: вы не понимаете, здесь поэтизирован родная природа (широкие поля, лес, тропинка, гриб), есть активное отношение к жизни (своими руками поставив палатку и зажег костер), передана романтика жизни геолога (он должен увлечься осколками камней), и, наконец, все стихотворение пронизано гуманизмом (удаются от родника, чтобы олень с олененком мирно пили воду). Есть и слог, есть и рифма, что вам еще нужно!

И редактор не скажет: а зачем, собственно, ради увлечения весенними цве-

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через Вашу газету выразить мою искреннюю благодарность организациям и товарищам, поздравившим меня с пятидесятилетием и двадцатилетием творческой деятельности. Николай ЯКУТСКИЙ

же рассказать Ирочке о своем подарке. Но он как раз и вспомнил о том, что жена это слыла бы за бесхарактерность, и потому решил подержаться. Как великое множество людей, он был уверен, что характер там, где есть воля, твердость, железно. Но человеку, обладающему этим железом, было бы, например, совсем невозможно так тонко и неотрагично действовать на душу Ирочки, как действовал он. Значит, характер у него был, но сила его состояла не в твердых действиях, а в мягкости. А бесхарактерность — это, наверно, ни то, ни се, когда есть в человеке и воля, и гибкость, и никому не известно, какой стороной покажет себя человек в данную минуту... Да и сам он этого не знает, потому что ему по душе поступать и так, и сяк, и черт знает как.

Иван Егорович всем своим существом чувствовал, что день новоселья для Ирочки будет памятен на всю жизнь. Он знал, что люди, очень уж пресыщенные удовольствиями или безнадёжно серые, остаются равнодушными и праздничными днями. Но люди нормальные, средние, ничем не пресыщенные и живые душой, любят в праздниках не празднично, а ту глубокую, отличную от других дней поэтизацию, которая их радует и веселит. Поэтому ему очень понравилась мысль сделать подарок Ирочке. Он эту мысль никому не высказал, проверил с самим собой, прочувствовал и довел до дела. Значит, у него был характер.

Теперь надо было подарок вручить. И хотелось, чтобы вручение не получилось кое-как: «На, возьми», и будьте здоровы. Он велел Ирочке одеваться, идти ставить чай. И когда она вернулась, свежая после умывания, Иван Егорович стоял у раскрытого окна, лицом к свету, и вздыхал.

— Ты идя, что вздыхаешь? Тот не оборачиваясь, заговорил: — Да вот... жила, жила и — нате вам... А? Бан! Переиселение. А я уж думал, тут и помру. Ан, — нет. Поживи еще, Иван Егорович, в апартаментах...

Говорил он протяжно и удивленно: — А я ведь тут — сорок лет, с начала революции... С ордером от совета — в одной руке, с винтовочкой от ревкома — в другой... Мальчишкой заваялся на этот этаж. Помолчал.

— Новое там у нас будет, светлее, а — вздыхаю. Не-благодарное животное — человек. Он был наделен чувством юмора... А Ирочка знала, что она расплещется в ту минуту, когда она станут выходить отсюда. Но сейчас-то зачем! Она присела к столу и, сдерживая себя, тихо заплакала.

— Во-от тебе! Иван Егорович не ждал, что так будет. — У тебя там отдельный ход... — он хотел как-то отвлечь ее от слез.

— Ход... Ирочка говорила по-детски, со слезами. — А улыбки нашей не будет.

Она хотела бы рассказать ему о запахе, который делал их старинную комнату единственной в мире и — лично для Ирочки — комнатой, обладающей жизнью, какой обладают деревья, звезды, воздух... Иван Егорович понял бы, но она подумала: не поймет.

Слезы были не глубокие, скорее приятные, чем горькие, и все-таки слезы. Тут Иван Егорович решительно шагнул к шкафу, где хранилось все их достояние. Выдвинул нижний ящик, долго копался там, сидя на корточках. — Что тебе? — спросила Ирочка.

тому В. Торан мечтал о родных полях и величественных горах. Но непонятно, почему современный юноша, прибывший в Ереван из Эчмиадзинского или Шаумянского района, горит тоской по родному дому и родным горам. Непонятно, почему молодые люди, имеющие постоянную прописку в Ереване или Кировакане, живущие вместе с родителями, тоскуют по какому-то иным «родным домам».

Все дело в том, что эти настроения у наших молодых поэтов позаимствованы из книг.

А тема детства? О детстве пишут, даже если о нем нечего сказать. Я не хочу судить молодых слишком строго, я не говорю, что обращение к теме детства вызвано желанием уйти из нашей действительности в воображаемый мир. Но смело можно утверждать, что это один из способов избежать трудного пути творческих исканий. Когда автору не о чем поведать читателю, он пишет о детстве, детство-то есть у каждого, а вот жизненных наблюдений многим не хватает.

Я вовсе не против этой темы вообще. Никто не может запретить человеку вспоминать свое детство и складывать стихи о нем. Но мы обязаны требовать, чтобы каждый сказал свое слово. И сказал так, чтобы это было интересно и для других, чтобы оно, это слово, выражало настроения нашего времени.

Я не придериваюсь тоже тем, кто пишет о детстве, о любви, то есть и природе — значит избегать общественных вопросов и требований современности. По-моему, можно писать и о природе, и о любви, и о детстве, оставаясь в то же время на высоте этих требований. И наоборот, можно писать об общественных явлениях, о взаимоотношениях людей и одновременно быть далеким от нашего современности. Все дело в позиции и таланте автора.

Еще одна похвала в развитии нашей молодежной поэзии — неправильное понимание народности. Некоторые молодые поэты, стремясь использовать богатство народного творчества, сочиняют стихи в изможденных и отживших свой век формах. Эти авторы не замечают, что старые формы тянут за собой старые представления, старое содержание. Сделав только внешней форме народной поэзии, они порой выражают стремления, чуждые современному человеку, более того, настроения, чуждые даже духу народности творчества.

Известно, что наши поэты-классики Маньянисян, Туманян, Исаакян обрабатывали многочисленные народные легенды, стихи, пословицы и четверостишия. Они очистили эти произведения от излишеств, диалектизмов и превратили в образцы подлинного искусства. Но народность творчества этих поэтов не исчерпывается обработкой фольклорных мотивов. Они в своих произведениях выражали понятные народу языком интересы народа, его стремления. Их народность заключается прежде всего в этом. А многие молодые поэты не понимают, что основа народности — жизнь самого народа. И поскольку гораздо труднее узнать, осмыслить, воспроизвести жизнь народа, чем подражать какому-либо классику, они выбирают путь «протоптанной и легкой».

Копируя классиков, далеко не уйдешь; надо понять суть их творчества и развивать их традиции.

Молодые поэты должны поднять сегодняшние достижения нашей поэзии на еще более высокий уровень. Это — дело их чести. Молодость — это преимущество поэта-творца, поэта-борца, но это и обязанность: молодость вовсе не дает права на безнаказанную эксплуатацию рифм, на пестрые малозначительных словес.

ЕРЕВАН

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через Вашу газету выразить мою искреннюю благодарность организациям и товарищам, поздравившим меня с пятидесятилетием и двадцатилетием творческой деятельности. Николай ЯКУТСКИЙ

Он не ответил, медленно поднялся, прошел мимо Ирочки и сел напротив, за столом. Улыбнулся. Провел ладонью по подбородку. — Эээ... — вдруг как-то странно произнес он. — Не умышляешь ли... А? Ну, да уж... Слушай, что я тебе скажу. Ирочка почувствовала значительность в его обращении. — Слушай, дядя. — Вот я тебе одну вещь на память... Есть такой камень, называются янтаром. Редкий камень... И нелегко, почти теряясь от застенчивости, он вынул правую руку откуда-то из-под стола. Тут же встал, засмеялся и, обойдя Ирочку, положил перед ней продолговатую корочку, которая сама собой раскрылась. — Ожерелье... — прошептала Ирочка. — Янтарное. — В честь твоего новоселья! — вот те слова, для которых он жил все дни, пока прятал подарок. — Милый Иван Егорович!

— Твоего, — повторил он. — Тебе сколько, я забыл. — Девятнадцать. — Ну, вот.

Ирочка с непонятным изумлением рассматривала вещь. До этой минуты она не придавала никакого значения всем этим женским украшениям, но сейчас, когда коробка раскрылась, — кровь ударила в лицо Ирочки. И дядя обрадовался, — может быть, впервые, — как Ирочка неотразимо хороша, как горели ее щеки, а брови разошлись, и в глазах появилась удивительная темная глубина.

— Ну, вот... — повторил он.

**ГЛАВА 2
...И НЕ МЕНЕЕ
ЗНАМЕНОТНОЕ
ЗНАКОМСТВО**

Главо 2... Ирочка прекрасно понимала, что у нее неподходящее настроение, но не настолько оно неподходящее, чтобы ждать каких-то невероятных происшествий. А она ждала. И это было глупо... глупо с точки зрения тетки Нины Петровны, которая мучительно старалась привить племяннице житейские реалистические взгляды на жизнь. Ирочка поэтому тоже мучительно старалась искоренить свою нежную поэтическую душу чужими взглядами, и это ей иногда удавалось сделать. Так, сейчас она подумала, что ждет чего-то, — неизвестно чего, — вообще ждать, всегда, во все годы жизни, глупо и бездарно. Но все-таки ждала...

Иван Егорович ушел в магазин «искупиться» (он имел привычку многие вещи называть старинными словами): надо было купить кое-какой еды, чтобы сразу по приезду сесть втроем за стол в новом доме и отпраздновать эту счастлившую минуту.

Счастлившую... Собирая свои вещички, Ирочка спросила себя решительно и строго, чего она ждет с этой радостной тревогой в сердце? И ответила столь же решительно, что ждет она именно эту счастлившую минуту, когда они сядут праздновать.

Счастлившую... Что это значит? Что разительно, ошеломляющее, манищее, поющее заключено в этом слове? Наверно, что никому неизвестно. А если бы, это было известно, если бы, скажем, какой-нибудь великий мудрец объяснил, как дважды два — четыре, что такое счастье, то тут-то оно и пропало бы на земле. Оно стало бы универсальным, то есть стандартным, то есть жалким, потому что оно уравнилось бы с понятием дважды два, и перестало бы волновать людей, как волновало сейчас Ирочку.

Памяти Шамиля Усманова

И СПОЛНИЛОСЬ 60 лет со дня рождения одного из замечательнейших татарских поэтов Шамиля Усманова. Писатель-коммунист пришел в литературу после гражданской войны, активным участником которой он был. Книги «Путь летовца» и «Радио с Памира», переведенные на многие языки, пьесы, явившиеся первыми ласточками татарской советской драматургии, многочисленные рассказы, публицистические труды получили глубокое признание народа, заняли почетное место в сокровищнице нашей литературы.

25 декабря в клубе имени Г. Тукая состоялся вечер, посвященный памяти Ш. Усманова. Здесь собрался писатель, представитель читательской общественности, деятели искусства, журналисты. После доклада о жизни и творчестве писателя с воспоминаниями выступили друзья Шамиля Усманова. В заключение был дан концерт. Артисты Татарского государственного академического театра читали отрывки из произведений Ш. Усманова.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Зарубежная литература

Аль-Вали А. Стихи в изгнании. Перевод с арабского. Составитель и послесловие А. Горюхиной. Издательство иностранной литературы. 107 стр. 1 руб. 50 коп.

Гонимый Н. Лунный свет и другие рассказы. Перевод с английского В. Карпушина. Издательство иностранной литературы. 158 стр. 4 руб.

Ивашкин В. Рассказы. Перевод с польского. Издательство иностранной литературы. 490 стр. 14 руб. 60 коп.

Из итальянских поэтов. Сборник. Перевод с итальянского. Присловие А. Суркова. Издательство иностранной литературы. 117 стр. (Современная зарубежная поэзия). 2 руб. 15 коп.

Меллер Г. Зеленый Генрих. Роман. Перевод с немецкого. Вступительная статья Е. Брандиса. Гослитиздат. 626 стр. 13 руб. 20 коп.

Ю Э. Путешествие Ласо Цаня. Роман. Перевод с испанского и вступительная статья В. Семанова. Гослитиздат. 284 стр. 5 руб. 20 коп.

Мансфилд А. Рассказы. Перевод с английского. Вступительная статья М. Шерешевской. Гослитиздат. 335 стр. 7 руб. 15 коп.

Перс Гальдос Б. Повести о ростовских Торжниках. Перевод с испанского. Предисловие З. Павловна. Гослитиздат. 600 стр. 9 руб. 35 коп.

Ридер Ш. Испытание огнем. Роман. Перевод с венгерского К. Иванова и Н. Синачева. Присловие О. Громова. Издательство иностранной литературы. 215 стр. 7 руб. 70 коп.

Станев Е. Когда иной тайт... Рассказы. Перевод с болгарского. Издательство иностранной литературы. 120 стр. (Современная зарубежная новелла). 3 руб.

Фармон Хури и Чаролен. Сказки. Повести, поучения Древнего Египта. Перевод с древнеегипетского И. Кайнелсона и Ф. Менделеева. Гослитиздат. 263 стр. 4 руб. 95 коп.

Фрид Н. Картогена живых. Роман. Перевод с чешского и предисловие Ю. Мелюковского. Издательство иностранной литературы. 464 стр. 13 руб. 85 коп.

Сцена из спектакля Шекспировского мемориального театра «Ромео и Джульетта». Ромео — Ричард Джонсон, Джульетта — Дороти Тьютич. Фото В. ЕГОРОВА

ВСТРЕЧА С ШЕКСПИРОВСКИМ ТЕАТРОМ

Московские зрители тепло встретили труппу Шекспировского мемориального театра, начавшую здесь свои гастроли трагедией «Ромео и Джульетта». Между сценой и зрительным залом сразу установился контакт. Публика живо реагировала на спектакль не только потому, что трагедия Шекспира у нас широко известна, но и потому, что значительная часть зрителей знала английский язык и могла следить за тончайшими нюансами актерского исполнения.

Что же понравилось в первую очередь живость и естественность исполнения. Мы увидели не академическую Шекспира с приподнятой игрой, подчеркнутостью интонаций, а Шекспира, возвращающего со зрителем как современник. Глеб Байэм Шоу отнесся к тексту пьесы, как если бы он был принесен ему ныне живущим драматургом. Не внешней помпезностью постановки, а правдой чувств и страстей, правдоподобностью положений стремился он захватить зрителя.

Замысел постановщика направлен против ложной патетики, слезливой сентиментальности и слащавой «красивости», в которые так легко впасть при постановке этой трагедии. Глеб Байэм Шоу счастливо избег этих опасностей и создал спектакль, пронизанный мужественной правдивостью. У него герои Шекспира — вполне земные существа, без малейшей тени дурной «театральности».

Полемичность постановки состоит еще и в том, что это не спектакль для демонстрации мастерства актеров «звезд», а опыт создания ансамбля, где герои — лишь первые среди равных. Для нас, привыкших к принципу ансамбля, это само собой разумеется. Но это отнюдь не повседневное явление в Англии, в том числе и в Шекспировском мемориальном театре.

До чего же хорошо, когда Ромео и Джульетта в самом деле молоды и актерам, исполняющим эти роли не приходится тратить энергию на доказательство своего права играть молодых! Неподдельная юношеская свежесть Ричарда Джонсона (Ромео) и Дороти Тьютич (Джульетта) позволяет им сосредоточить свои силы на раскрытии всей гаммы чувств молодых героев. Естественность характеризует их игру от начала до конца. Режиссер не только начал с них орол величия, он не доверял, что в какие-то моменты они покажутся нам и вовсе некресивыми.

Главное внимание режиссер уделил тончайшему психологическому обоснованию поведения не только героев, но и всех остальных персонажей. И вполне уместно было снова увидеть на сцене, принадлежащей МХАТУ, правдоподобие чувств в предлагаемых обстоятельствах. Это мы видели у Ромео, Джульетты и почти у всех остальных исполнителей.

Свое высшее выражение реалистический стиль спектакля получил в образе кормилицы, мастерами созданным Анджелой Бэделли. Вот уж истинно в ком можно было увидеть

все то, что писали критики о народности этого образа. Бэделли играет не «комическую старуху», как называется на театральном жаргоне данное лицо. Она создает полнокровный реалистический характер, действительно убедительный в своей жизненности. И то же хочется сказать об исполнителе роли Меркуцио — Эдуарде Вудворде. Его реалистическое мастерство во и в о легко проявилось в исполнении знаменитого монолога о зарнице Маб, являющегося камнем преткновения даже и для хороших актеров. Обычно в этом месте действие застывает, уступая место декламации. У Вудворда монолог наполнился реальным жизненным содержанием благодаря выразительному мимическому раскрытию смысла этой речи.

Но больше всего проявляется духовная близость Ромео и Джульетты к настроениям литературы «обозленных молодых людей» в финале спектакля. Ромео и Джульетта здесь не герои, купающиеся торжеством своей любви, ценящие собственную жизнь, а жертвы, кончающие собой с отчаянием оттого, что окружающий их зловещий мир не дает им возможности счастья. Не оптимистической трагедией оказывается здесь произведение Шекспира, а трагедией отчаяния.

Очень хороши костюмы актеров, но некоторую непоследовательность я вижу и в художественном оформлении спектакля. Декорации талантливого коллектива художников Мотли изящны, экономны, но не вполне соответствуют стилю актерского исполнения. Предельной бытовое и психологический реализм в игре актеров не вяжется с некоторыми условными мотивами оформления.

Зато замечательным достоинством постановки является ее динамичность, достигнутая посредством точно выдержанного ритма отдельных сцен, которые сменяют друг друга с калейдоскопической быстротой.

Первая встреча с нашими гостями оправдала ожидания и дала много интересных художественных впечатлений. Александр АНИКСТ

Ирочка и сел напротив, за столом. Улыбнулся. Провел ладонью по подбородку. — Эээ... — вдруг как-то странно произнес он. — Не умышляешь ли... А? Ну, да уж... Слушай, что я тебе скажу. Ирочка почувствовала значительность в его обращении. — Слушай, дядя. — Вот я тебе одну вещь на память... Есть такой камень, называются янтаром. Редкий камень... И нелегко, почти теряясь от застенчивости, он вынул правую руку откуда-то из-под стола. Тут же встал, засмеялся и, обойдя Ирочку, положил перед ней продолговатую корочку, которая сама собой раскрылась. — Ожерелье... — прошептала Ирочка. — Янтарное. — В честь твоего новоселья! — вот те слова, для которых он жил все дни, пока прятал подарок. — Милый Иван Егорович!

— Твоего, — повторил он. — Тебе сколько, я забыл. — Девятнадцать. — Ну, вот.

Ирочка с непонятным изумлением рассматривала вещь. До этой минуты она не придавала никакого значения всем этим женским украшениям, но сейчас, когда коробка раскрылась, — кровь ударила в лицо Ирочки. И дядя обрадовался, — может быть, впервые, — как Ирочка неотразимо хороша, как горели ее щеки, а брови разошлись, и в глазах появилась удивительная темная глубина.

— Ну, вот... — повторил он.

ГЛАВА 2 ...И НЕ МЕНЕЕ ЗНАМЕНОТНОЕ ЗНАКОМСТВО

Главо 2... Ирочка прекрасно понимала, что у нее неподходящее настроение, но не настолько оно неподходящее, чтобы ждать каких-то невероятных происшествий. А она ждала. И это было глупо... глупо с точки зрения тетки Нины Петровны, которая мучительно старалась привить племяннице житейские реалистические взгляды на жизнь. Ирочка поэтому тоже мучительно старалась искоренить свою нежную поэтическую душу чужими взглядами, и это ей иногда удавалось сделать. Так, сейчас она подумала, что ждет чего-то, — неизвестно чего, — вообще ждать, всегда, во все годы жизни, глупо и бездарно. Но все-таки ждала...

Иван Егорович ушел в магазин «искупиться» (он имел привычку многие вещи называть старинными словами): надо было купить кое-какой еды, чтобы сразу по приезду сесть втроем за стол в новом доме и отпраздновать эту счастлившую минуту.

Счастлившую... Собирая свои вещички, Ирочка спросила себя решительно и строго, чего она ждет с этой радостной тревогой в сердце? И ответила столь же решительно, что ждет она именно эту счастлившую минуту, когда они сядут праздновать.

Счастлившую... Что это значит? Что разительно, ошеломляющее, манищее, поющее заключено в этом слове? Наверно, что никому неизвестно. А если бы, это было известно, если бы, скажем, какой-нибудь великий мудрец объяснил, как дважды два — четыре, что такое счастье, то тут-то оно и пропало бы на земле. Оно стало бы универсальным, то есть стандартным, то есть жалким, потому что оно уравнилось бы с понятием дважды два, и перестало бы волновать людей, как волновало сейчас Ирочку.

Вот ведь что!.. Разве Ирочка очень страдала от того, что жила в единственной, давно не крашеной, но очень светлой комнате? Нет, не страдала. Наоборот, она любила свою старую комнату. Словом, ее не тянуло нигде в новые палаты. Отчего же ныла ей впереди эта счастливая минута? Ни Ирочка, ни Иван Егорович, ни тетя, которая знала решительно все в жизни, никто не мог бы исчерпывающе ответить на этот вопрос. На него не могли бы ответить даже те люди, которые зациклились о том, чтобы Ирочка была эта счастливая минута. Вот так, не могли бы... Потому, наверно, что счастье, как истина, неисчерпаемо. И это знал не очень образованный марксист Иван Егорович, который объяснял Ирочке великий грядущий порядок коммунистического общества. Он удивительным образом постиг огромную истину о бесконечности человеческих потребностей и возможностей. И он презирал людей, у которых потребности шли вперед возможностей... Только одна Ирочка догадывалась, как глухо и тайно он не любил свою жену за ее бредовое убеждение, будто революция обошла ее огромные потребности. Тетка с такими претензиями относилась к жизни, что невозможно было понять, доволна она или, может быть, совсем недовольна новой квартирой. Она была столь сложным человеком в смысле своих потребностей, что даже, будучи довольной, она не показала бы этого. Более того, она постаралась бы собственное удовольствие принизить и свести на нет, чтобы только оставаться собою. К сложностям этой натуры присоединялась и такая немаловажная вещь, как партийность тетки, которая для Ирочки, да и для всех, кто знал Нину Петровну, была образцовой партийностью. Преподобная неудовлетворенными претензиями к обществу, считавшая практически, что ее талантов не оценили, тетка в то же время совершенно бескорыстно, чисто, целомудренно относилась к партии, сохраняя чистоту чувств лучших пролетариев двадцатых годов, когда она вступала в партию.

Ирочка вечно всегда казалась, что она знает, что такое счастье: Ирочка, наоборот, что она не может познать истинного значения этого понятия. Нина Петровна безразлично таскала свою жизнь, а Ирочка сейчас бесконечно радовалась весеннему утру, переиздаю, подарку, своему ожиданию чего-то необыкновенного. Вот какая разница была между теткой и ее племянницей в простом ощущении счастья.

Иван Егорович ушел в магазин, как сказано, «искупиться». А делал он это всегда с удовольствием, основательно, — в особенности с тех пор, как вышел на свою близательную пенсию республиканского значения. Назначение этой пенсии, о которой он не только никак не хлопотал, но и не знал, что она существует, поразило Ивана Егоровича. Сумма... что! Да и сумма получилась больше той, которая ему полагалась по работе, рублей на двести. Поразило само событие. Пенсии этой категории, — Иван Егорович потом все разузнал, — раздают не щедро, а само назначение их определяется вескими данными и серьезными ходатайствами. Потом он долго повторял дома, что не забыли его, оценили, поблагодарили.

Нина Петровна молчала... Она не могла, конечно, выказать, что думает по этому поводу. А думала она просто: дуракам счастье. Она ведь выше мужа на десять годов, по ей, понятно, такой пенсии не уставать.

Ирочка зорко подмечала все эти подробности в жизни своих родителей с наблюдательностью подростка, выросше-

рядом со взрослыми людьми. Взрослым кажется в таких случаях, что дети растут у них на глазах, а дети с великим лукавством знают, что взрослые живут на глазах у них. Ирочка лет с двенадцати тетка сделала асней асеной... Впрочем, и сам Иван Егорович ей был ясен, с той лишь разницей, что от него всегда можно было ждать чего-то нового, интересного, а от тетки ждать было ничего. Ирочка решительно считала тетку неинтересным человеком.

Разбираясь со своими вещичками, Ирочка весело раздумывала о том, как она живет в новой квартире. Вещей у нее было очень мало, и все ее хозяйство весом в какой-нибудь пуд помещалось в комнате среднего размера. Сейчас она критически раздумывала над некоторыми из них: стоит или не стоит брать их с собой. От вещей, составляющих ее веселые мысли скакали и тетке с дядей. Ей казалось, что в новой квартире обязательно надо жить как по-новому. С образом и ощущением нового у нее соединялось предчувствие света и сияния. Тут, в их комнате, было очень узкое, проделанное в старинной толстой стене окно, — завешенное, заставленное домашними цветами. Там свет валил во всю стену, чуть ли не от пола до потолка... стены сияли, отражая солнце! Как к этим сияющим стенам привьется вечно угрюмое лицо тетки?.. Странно представить себе, как Иван Егорович будет там бухать по утрам... Впрочем, он уезжает на дачу, чтоб вволю накуриться. Ну, хорошо... а так, вообще? Ведь определяет же бытие наше сознание? Это всем известно. Определяет. Значит, в новой квартире надо держаться как-то величественно, как в книгах, где самые обыкновенные люди бываю величественными.

Рухлядь была отобрана. Перечислять ее не стоит. Собираясь выкинуть ее в угол с мусором, Ирочка подумала, что она зря занимается этим делом и очень уж преувеличивает что-то, умничает.

ЭТОТ МОМЕНТ

В ЭТОТ МОМЕНТ в комнате вдруг стало темно, точно кто-то завесил окно. Ирочка от неожиданности громко произнесла:

— Что такое? Никто не отозвался. За приоткрытыми рамами окна и цветами сверелилось что-то живое и большое.

— Да кто там? Ничего нельзя было понять. Как могло появиться у их окна это нечто живое? На чем держалось? Каким образом влезло?

— Если ты человек, отзовись! «Ты» — молчала. — Я повторяю, ты человек или облако? Если человек, — говори.

Неизвестное живое тело как бы попыталось от окна. И тоже неизвестно, как могло оно подняться по воздуху. В комнате стало светлее. За неправильными очертаниями темного силуэта открылось небо. Но тут Ирочка не на шутку испугалась и увидела, что она увидела водолаза. Ирочку от страха потянуло и увидела, что водолаз со своей стеклянной маской оставался неподвижным как марсианин из «Борьбы миров» Уэллса. Ужасаясь и смеясь над своим ужасом, Ирочка передвинула всегда мешавший ей флюкс. Водолаз оставался на месте и гипнотизировал Ирочку (Омолчание на 4-й стр.)

ЭТОГО ТРЕБУЕТ СОВЕСТЬ МИРА

ПЕРИОД великой народной борьбы с заклятым врагом человечества — фашизмом — ознаменовался во всех странах земного шара множеством героических подвигов. Весной 1941 года, когда гитлеровцы с помощью предателей всех классов масштабов и разведывателей совершили свое «победоносное» шествие по Европе, был день, когда сердца честных людей во всем мире пролились радостью и сочувствием. В этот день — 31 мая 1941 года — рука греческого юноши сорвала с древнейшего памятника эллинской культуры — Акрополя флаг фашистской свастикой и водрузила на место его национальное знамя Эллады.

Имя этого юноши — Манолис Глелос — с тех пор известно всему миру. Его подвиг был проявлением той несоразмерной воли и сопротивлению захватчикам, которая таилась в сердцах сынов греческого народа, впоследствии вписавшего столько славных страниц в великую книгу антифашистской борьбы.

И вот снова зазвучало во всем мире имя самоотверженного патриота Греции Манолиса Глелоса. Нынешние власти страны упрятали народного героя за тюремную решетку. Вместе с ним в застенки асфальтирована большая группа демократических деятелей. Судьи, они же палачи, — в сегодняшней Греции эти функции отлично совмещаются, в чем мы могли убедиться на гнусном процессе незабвенного Белонгоса, — не очень то церемонятся с подписанием повода для того, чтобы организовать пародию на законный суд. На этот предмет со времен деспота Метакса, имя которого с презрением провозгласит всякий честный грек, в кодексе сохраняется антинародный закон, позволяющий обвинять в «шпионаже» любого, с кем захотят расправиться власти.

Мало сказать, что подло, казалось бы, до предела, глумо обвинять в «шпионаже» национального героя Греции, патриота, которого знает в стране каждый ребенок и которым гордится народ. Но именно в этой широкой популярности Манолиса Глелоса, в любви к нему народных масс и состоит, с точки зрения реакции, его «преступление» перед родиной. За это и призван уличить Манолиса Глелоса и его друзей военный трибунал Афин, приговор которого не подлежит отмене. На это толкают своего младшего партнера по НАТО Соединенные Штаты.

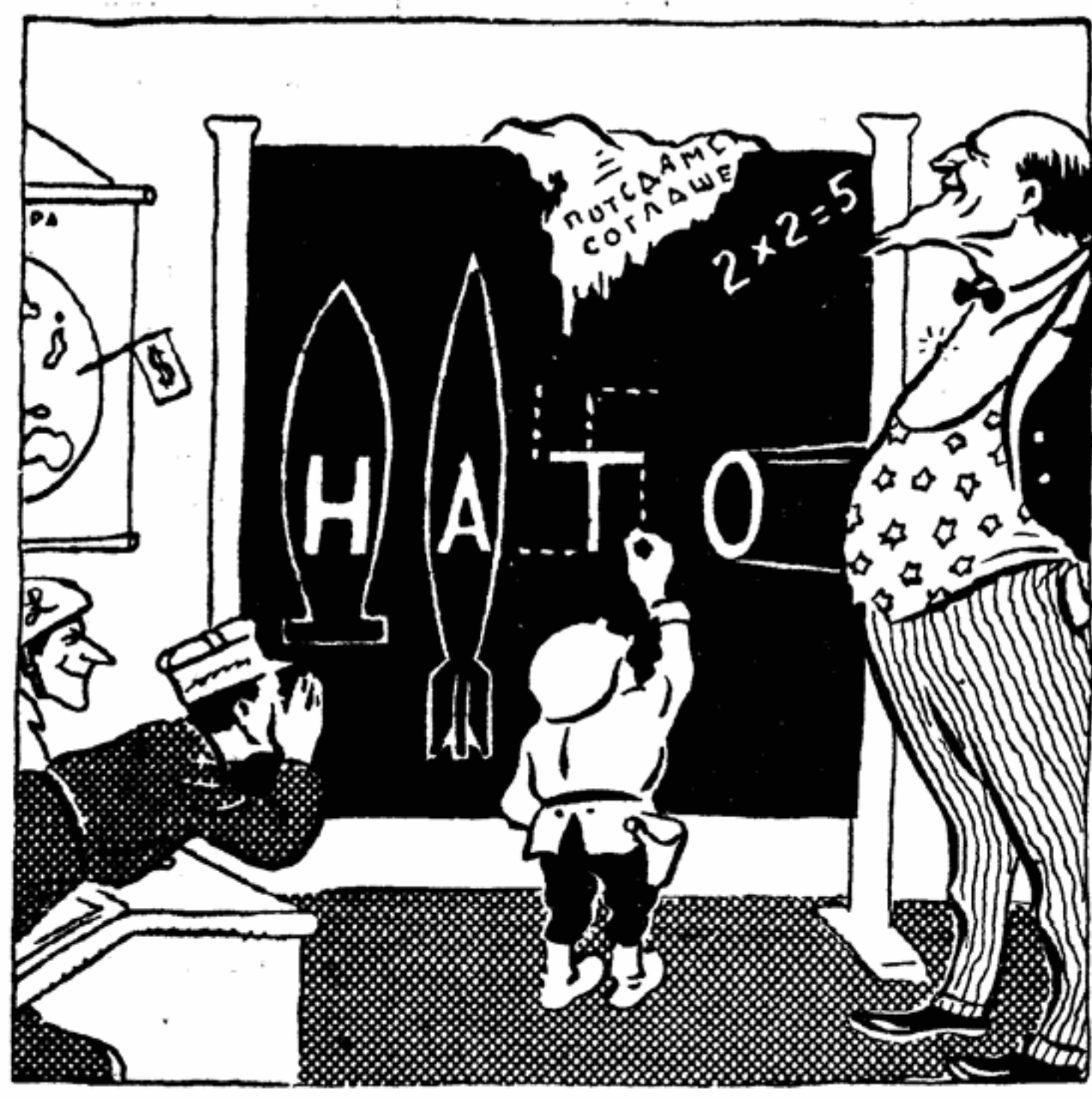
Стремясь, по-видимому, угодить кое-кому за океаном, афинские власти утверждают, что аресты греческих патриотов производятся ими во имя «защиты демократии и безопасности народа» от «коммунистического заговора». Но каждому ясно, что этот мифический «заговор» понадобился властям для того, чтобы начать новое яростное наступление на демократические силы страны.

Не от хорошей жизни вновь хватаются за кровавый террор сегодняшние власти Греции. Партия ЭДА, объединившая демократические силы греческого народа, вопреки всем преследованиям и репрессиям, направленным против нее, на парламентских выборах 1958 года стала второй по числу полученных голосов партией в стране. Вот почему неистовствуют сегодняшние власти Греции! Не случайно в тюрьмах застенков томится столько политических заключенных, принадлежащих к этой партии, и среди них многие профсоюзные активисты и муниципальные советники.

Для всякого честного человека, голосовавшего за ЭДА, самое имя Манолиса Глелоса является воплощением сильной и не зависящей от американского диктатора Греции, за которую борются лучшие люди страны. Вот почему палачи греческого народа думают, что, убив Манолиса Глелоса и его друзей, они не позволят идеалам демократии возродиться в Греции.

Честные люди всего мира не могут равнодушно вглядеть в то, как кучка реакционеров, обезумевших от страха перед народом, глумится над героем антифашистской борьбы Манолисом Глелосом и его соратниками — самоотверженными патриотами Греции. Все честные люди на земле поднимают свой голос в защиту греческих демократов. И мы, советские писатели, присоединяемся к протесту греческого народа. Пусть по всему миру прогремит клич: Свободу Манолису Глелосу!

Свободу арестованным греческим патриотам!

Многообещающий ученик Рис. М. Арцыбушева.

Замечательно!

МХАТ НАЧАЛ свои гастроли в Токио... С глубокой симпатией и уважением относятся к нему деятели японского театра и любители театрального искусства. Современная японская драма имеет тесные исторические связи с МХАТом и вплоть до наших дней развивается под его влиянием.

Уже в 1910 году японские зрители впервые познакомились с пьесой А. М. Горького «На дне» — ее поставил театр «Свобода». На своем пути этот театр испытал немало трудностей. Одна из них заключалась в том, что в то время наша сцена не знала женщины-актрис. В «Кабуки» — национальном театре классической японской драматургии — женские роли и по сей день исполняются мужчинами. Так было и в первом спектакле «На дне», где в женских ролях выступили мужчины.

Руководитель и режиссер театра «Свобода» Каору Осака находился под огромным влиянием МХАТа. В 1912 году он побывал в Москве. Вернувшись в Токио, он создал свой «Малый театр», основной репертуар которого составили произведения русских авторов, главным образом А. М. Горького и А. П. Чехова. В течение многих лет со сцены токийского «Малого театра» не сходили «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня», «На дне».

Встретившись сегодня с МХАТом, мы снова с чувством глубокого волнения вспоминаем о первых шагах современного японского драматического театра, о первых постановках пьес Горького и Чехова. Даже в мрачные времена, когда фашизм в Японии запрещал всякое знакомство с иностранной культурой и искусством, а в особенности с культурой и искусством Советского Союза, деятели и любители японского театра тайно читали произведения любимых русских писателей.

Все это я рассказываю для того, чтобы советские читатели поняли, почему при встрече с МХАТом буквально все зрители были охвачены чувством необыкновенной радости. Так было на первом спектакле в столичном театре «Симбаси», когда поднялся тяжелый занавес и японский зритель увидел «Вишневый сад».

Один из наших режиссеров, называя гастроль МХАТа событием, которое случается разве что раз в сто лет, так говорит о своих впечатлениях: «Наше

Кинофестиваль в Хартуме

В СТОЛИЦЕ Судана Хартуме закончился продолжавшийся неделю фестиваль советских фильмов. Он был организован крупнейшей суданской кинокомпанией «Ватания». Советские фильмы просмотрело около 10 тысяч человек. Подводя итоги фестиваля, директор кинокомпания «Ватания» Садик Фарид заявил, что он помог суданским зрителям познакомиться с советской кинематографией.

Дэвид КИНОСИТА, японский драматург
ТОКИО, 26 декабря. (По телеграфу)

КУДА ВЕДЕТ «АТЛАНТИЧЕСКАЯ» ПОЛИТИКА

В БАНУН сорокалетней годовщины Компенского перемия английская газета «Дейли мейл» опубликовала статью под рубрикой «После двух мировых войн. 1931—1958». Автор Генри Фэйри публикует статью сравнительно международной обстановки в 1931 году, через тринадцать лет после окончания первой мировой войны, и в 1958 году, спустя столько же лет после завершения второй мировой войны. Основная мысль выражена в заголовке: «Что изменилось за эти 27 лет? Я уверен, что мы лучше работаем на пользу мира, чем наши отцы после 1918 года».

Фэйри рассуждает о войне в Корее, о безработице, о Чарли Чаплине и Рене Кларе, словом, о всем угодно, но совсем не упоминает о германской проблеме. Он как бы забывает, что и первая, и вторая мировые войны были развязаны германскими милитаристами. Эта «забычивость» легко объяснима: при анализе этой проблемы автору никак не удалось бы показать, насколько успешные своих «отцов» действуют «дети».

Тринадцать Итак, Фэйри сравнивает лет... год тридцать первый и год пятьдесят восьмой. Хотя английский журналист и выбрал совершенно произвольные даты, последует все же за его сравнением и посмотрим, что же изменилось с тех пор в политическом курсе Запада.

1931 год. Фашизм встает к власти, германскими милитаристами, воскрешенный американскими займами, готовится диктовать свою волю Европе. Западные державы, указавшие еще в Локarno реваншистам путь на Восток, продолжают подталкивать их в этом же направлении. Спекулируя на «советской угрозе», германские милитаристы добивались ликвидации последних ограничений Версальского договора. На Лозаннской конференции (1932 год) представитель Германии фон Папен заявлял: «Успех конференции зависит от уничтожения результатов войны и установления эры доверия». В устах германских милитаристов требование «уничтожить результаты войны» означало открыть широкую дорогу вооружениям и подготовке новой войны.

Требование фон Папена было принято. Незадолго до этого политика западных государств деятелями позволила Гитлеру в марте 1935 года ввести всеобщую воинскую повинность. Еще через три месяца было подписано англо-германское морское соглашение, разрешившее Германии постройку военно-морского флота, запрещенного в Версале. Справедливое замечание французского журнала «Ревю де монд», сделанное весной 1936 года: «Несмотря на все предостережения, Европа с невежеством и легкомыслием, которые приводят к изумлению будущих историков, восстанавливает германскую мощь».

Будущие историки еще больше изумятся, когда ознакомятся с политикой западных держав после второй мировой войны, они станут в тупик, если им придется определить, чего больше в этой политике — легкомыслия или невежества? Потенциально, ставившие основную задачу создания миролюбивой, демократизированной Германии, растоптанной Западом. В результате расколнечивой линии создано западногерманское государство, которое включено в агрессивный Североатлантический блок. Западные державы неизменно добиваются перевооружения ФРГ, поощряют реванизм и углубляют раскол между двумя германскими государствами. Именно под этим углом зрения составлено коммюнике последней сессии НАТО, закончившейся 18 декабря. Сессия одобрила доклад верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе генерала Норстада, рекомендовавшего усиленную реинтаризацию Западной Германии и оснащение бундесвера ядерным оружием. Все это уже сделано и 1958 году, спустя тринадцать лет после окончания войны.

После подписания Парижских соглашений американский журнал «Фольберс»

О. ПРУДКОВ, В. ТУРОК

писал, что будущее неужел прежде всего США. «Новая германская армия», подчеркивал журнал, — должна быть использована в качестве центральной фигуры в большой шахматной игре мировой политики».

Тем же шахматной игры сегодня значительно быстрее, чем два десятилетия тому назад. Быть может, именно это Фэйри считает достижением «детей»?

Что бы сказал На пороге своей смерти бывший глава правительства Франции Клемансо писал в 1929 году французским министрам: «Франция, пролив свою кровь на полях сражений, остается недвижной в руках своих усыпителей».

Спустя девять лет, осенью 1938 года, британский премьер-министр времен войны Ллойд Джордж подчеркивал, что если бы в эти дни Клемансо был еще жив, то «он наверное пришел бы в бешенство от слабости, перераставшей в предательство, проявленного его приемниками перед лицом германского вооружения, военной оккупации Рейнской области, аннексии Австрии, германских батарей на Пиренеях, германских аэродромов и баз подводных лодок в Бискайском заливе, германской тяжелой артиллерии по обе стороны Гибралтарского пролива и итальянских баз для самолетов и подводных лодок на пути французских коммуникаций с Северной Африкой...» Ллойд Джордж продолжает, что если бы состоялась эта беседа с Клемансо, то оба они «были бы в равной степени потрясены видом великих демократических держав, которые в 1919 году распорядились миром и почти беспроблемно определили судьбы наций, а теперь дрожат на ступеньках прихода и умоляют двух европейских диктаторов».

Когда Ллойд Джордж писал эти строки, у границ Франции уже стояли германские армии вторжения, вооруженные на деньги западных держав. Гитлер мог диктовать свои требования Западной Европе. Что же происходит в 1958 году? Западные Германия, став членом НАТО, претендуют на первенство, стремятся отеснить Англию и Францию на второй план. В Вашингтоне считают Аденауэра самым верным, самым надежным партнером. Так, английский журнал «Экономист» отмечал, что «слишком часто складывается впечатление, что союзная политика в отношении центрально-европейского проблем диктуется из Бонна». И что бы сказали Клемансо и Ллойд Джордж сейчас, спустя тринадцать лет после окончания второй мировой войны, когда голос боннского канцлера громче других звучит в Европе, когда под командованием американских генералов и гитлеровцев вроде Шнейделя для новой войны создается армия НАТО?

Пеход Возрождая германский милитаризм, западные дипломаты говорили, что это позволит им избежать военной угрозы со стороны Германии, и рассчитывали вести ружьями немцев борьбу против Советского Союза. В середине тридцатых годов видный французский обозреватель Рене Пинон, выступая против франко-советского пакта, утверждал, что этот пакт «запутал внешнеполитические соглашения, способные спасти мир, и скомпрометировал международное положение Франции». Что подразумевалось под «соглашениями, способными спасти мир», совершенно ясно: речь шла о союзе с германскими милитаристами. Подобная линия, которая полностью разделилась в Лондоне и в Вашингтоне, только помогла Германии выполнить программу, назначенную одним из руководителей внешней политики Штрессманом в секретном письме бывшему кронпринцу в 1925 го-

Генри Фэйри утверждает: «Может быть, мы и делаем ошибку, но не столько существенные, как в 1931 году. К тому же — это ошибки, которые мы охотно признаем». Если бы это было действительно так, то западные политики должны были давно же отказаться от политики «с позиции силы», от перевооружения германских реваншистов и перейти к переговорам по всем вопросам, связанным с обеспечением безопасности в Европе.

Усиленному решению проблемы безопасности Европы, несомненно, способствовало бы создание нормальных условий в Западной Берлине, прекращение оккупационного режима, превращение Западного Берлина в вольный город. «Если не сделать это», — заявил советский министр иностранных дел А. А. Громыко на Второй сессии Верховного Совета СССР, — то еще более усилится угроза того, что Западный Берлин может стать вторым Сараево, где в июне 1914 года прозвучал выстрел, который зажег пожар первой мировой войны».

— Вот именно. По-нашему...

Но он не понял. Иначе стало скучно от того, что не понял. Наверно, — деревенщина, и продолжает оставаться первым парнем на деревне, и много понимает о своей уличной неотразимости.

— Всею хорошего, Володька.
— Будет тебе... — почти жалобно протянул он.
— Гут бай.
— Что?
— Прощай, красивый.
— Будет тебе... Никто красивым себя не считает. Вот ты, действительно, хорошенькая.

«— Румяная? — спросила она, нарочито выделяя бунку.»
Теперь понял. Усмехнулся:
— Ты за рыжаского меня считаешь. Я не оттуда.
— А откуда?
— «Тихий Дон» писателя Шолохова читала?
— Приходилось.
— Я сам оттуда.

Он произнес не «тихий», а «тихий», щеголевато, по-казачьи, и потянулся к ней с юношеским озорством, желая привлечь ее к себе... А ей захотелось не видеть, бросить его, закрыть окно. Она так и сделала бы, но мешали цветы. Тогда она молча повернулась и пошла к столу, не зная, что еще можно сделать.

— Уходишь? Зря, девушка... Пошли бы вечером в кино. Она не повернула к нему головы.
Голос, уже знакомый Ирочке, зазвучал сверху, с крыши:
— Володька, где ты там?
— Здесь... не ори.
— Какого дьявола! — кричал кто-то сверху. Ирочка слушать не стала. Шла брань. Тут же не то подняли, не то опустили Володьку. Он исчез.

ДУМАТЬ или не думать? На Ирочку накатило неожиданное раздумье. Она остановилась у стола, не зная, что ей надо было делать в доме. Вот какая новость! Неизвестный Володька... с наглыми глазами... который ничего не понимает... И вот она думает, как ей быть, думать или не думать о нем? Значит, произвел впечатление. Плохо.

Есть много людей, в особенности среди молодежи, которые твердо знают, что заниматься своими внутренними чувствами — значит впасть в такую сомнительную область, которая называется «самоковыриванием». Ирочка была исключением. Видно, потому, что она росла без родителей, ей приходилось больше других детей заниматься единственными размышлениями. И раздумывая над своими чувствами, она постигла огромную истину о коренном отличии человека от всего живого на земле. Человек тем и прекрасен, тем и высок, что он носит в себе свой внутренний мир, управляет этим сложным миром, создает его. Пусть душа человека есть зеркало, отражающее текущую вокруг нас жизнь, но зеркало это, однако, духовное, окрашивается идеями, возникающими в уме и сердце человека.

Чтобы управлять собой, надо знать доступ к своему внутреннему миру. Ирочка его знала. И не случайно возник этот тревожный вопрос, думать или не думать о том, что случилось у окна.

«Ничего не случилось». Так говорил ум. «Случилось». Так говорило чувство. И так как Ирочка умела разбираться в механизме своего внутреннего мира и отличала голос разума от голоса чувства, то ей стало тревожно от нахлынувшего на нее, казалось, ненужного раздумья.

«Не думать, не думать, не думать»... — с настойчивой силой всецело пресекала Ирочка голос несмелого чувства и легко стала лгать себе, что она не хочет и не будет думать о таком пустяке, как bestоловый разговор с каким-то песоструйником...
Но вдруг ей пришла на ум совершенно несурзальная мысль. «А что если поговорить с песоструйником насчет работы... что будет?» За год после окончания школы она овладела двумя профессиями, но как-то не овладела. Из шпильной мастерицы, куда ее устроила тетя, пришлось уйти потому, что оттуда ее просто-напросто выгнали. А выгнали потому, что Ирочка делала все по-своему и по-казачьи, и потянулась к ней с юношеским озорством, желая привлечь ее к себе... А ей захотелось не видеть, бросить его, закрыть окно. Она так и сделала бы, но мешали цветы. Тогда она молча повернулась и пошла к столу, не зная, что еще можно сделать.

И тут... Ничего страшного нет... Они кочают по городу и чистят стены домов. Ирочка не раз видела молодых левачок в спесовках, которые делали что-то у аппаратов по очистке стен.

И все-таки она думала... Не заметила, как присела у стола, как в руках оказалась ожерелье... Думала о деле, о том, что ничего несурзального не будет в том, если она наденет спесовку и будет чистить стены домов. И все-таки дело связывалось с личным лицом песоструйника.
Ей не хотелось согласиться с впечатлением, которое он произвел, она думала уничтожить это впечатление, так как считала его ложным, пустым. А впечатление лезло из недр сердца, пело, будило что-то в душе... Плохо.
Очнувшись и увидевши в руках ожерелье, она вспомнила, что до сих пор не надела его. Тогда она заторопилась и по-детски, чуть ли не на одной ноге подскочила к зеркалу в темном углу. Зеркало отразило ее. Ожерелье сверкало на ее смуглой шее.

Ирочка со смехом, с какой-то нежностью ей лихоюто воображала себя Володькой, который видит впервые Ирочку в этом янтарином ожерелье, и она, Ирочка, очень нравилась этому воображаемому Володьке.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОВУХИН.

Янтариное ожерелье

(Юношанне, Начало на 2-3-й стр.)

своими мутными стеклами... Рта у него не было. Только — серые щеки и голова в виде кашпо. — Ты что?! — с воинственностью сказала Ирочка. — Ничего. — Нет, я спрашиваю, ты кто? — Никто. — Ну и глупо. Ты володая? — Дура. Ирочка сделала презрительную мину на лице. — Волтаешь под чужими окнами и оскорбляешь. — Сама — первая... — Что «первая»? — Не успела узнать человека и сразу «глупо». Подумаешь, образованная. Ирочка решила поиграть с этим матерьяльным привидением: — А ты разве человек? — Тогда привидение чудесным движением, которое трудно уловить, сбросило оболочку, и под ней оказалась чудесная лыхая голова в кеппе. «Какой красивый...» подумала она с радостью: ведь под кашпоном мог оказаться старый, небритый мужик. А парень знал, как он выделяется своей красотой, и нарочито долго не открывал лица, когда увидел в комнате девушку. — Как же ты... Вообще... Как ты тут? Зачем? — старался спросить и с насмешкой говорить Ирочка. — Неустойно. — Ишь ты? — Что «ишь ты»? — Образованная? — Да, образованная. Ну и что? — А мне плевать. Говорил парень лихо, с вызовом и, красуясь своей дикостью, стал эффектно закуривать «сигарету». И если не знать странных особенностей языка, на котором говорили этот лихой парень и Ирочка, то можно подумать, что они очень грубы друг с другом и ничего не знают, кроме «подумаешь», «плевать» и отрывистых фраз, смахивающих на какой-то жаргон. Знать-то знают,

но уже не говорят на том языке, на котором говорило довоенное поколение не только у нас, но и во всем мире. А странности тут состоят в нарочитой простоватости, в кажущейся пренебрежительности друг к другу, в стремлении ничего не сказать до конца. Ирочка и не подумала обижаться, когда лихой незнакомец сказал, что ему плевать на нее. Она отлично знала, что за этими словами не стоит никакого презрения к ней.

— Ну, так серьезно... Чем ты тут занимаешься?
— Дом ваш буду очинять.
— Песоструйщик!
Ирочка обрадовалась. Но вся необычайность встречи пошла насмарку. Глаза как бы открылись. Ирочка увидела тросы за спиной парня и под ногами его — лыжку. Он болтался сейчас под крышей на их этаже, изучая поверхность старой гранитной облицовки их дома.

— Давно овладел профессией?
— Первый год.
— Удовлетворяет?
— Как сказать...
— А что?
— Заработать не дают.
— Кто?
— Есть таковые...
Теперь уже можно было считать, что они познакомились. Она спрашивала без игры, по делу, и он отвечал ей по делу, как человеку, которому можно как-то доверять.

— А тебя как зовут? — спросил он, делаясь почему-то грустным.
— А зачем?
— Так ведь... — и не нашелся дальше.
— Что?
— Может быть, у нас хорошее знакомство получится.
— А зачем?
— Надавала... Меня, например, зовут Володькой... Левадов.
— Не слышала.
— Будет тебе... С нею, как с человеком... Володька я. Ирочка переставила его: — А меня зовут Ирой.

Володька неожиданно протянул руку. Рука была широкая, сильная.
— Ну, здравствуй... — и какая-то нотка нежности прозвучала в его слове. И был он до удивления мил с этим неожиданным жестом и мягким словом.
— Здравствуй, — Ирочка дотронулась до его руки, — Вот так.
Последовало молчание, и пролетел тот бездонный миг, в который свершается чудо любви. Ирочка витала в свое сердце тревожный и буйный взгляд Володьки. Глаза у него были черные, страшные... может быть, страшные для Ирочки. А девушка из бригады, в которой работал Володька, называли его глаза просто неупотребимой, бригадир — хулиганскими.
— А то «зачем, зачем»... — сказал он самоуверенно, как после легкого и неизменно удачного дела. — Можно, кажется, и без «зачем».